

ЛЕОНИД
ДОБРОХОТОВ

ГОРОДИЩЕ

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ЭССЕ

16+

Леонид Васильевич Доброхотов

Городище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42760005

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9983-8

Аннотация

Чудики бывают не только в деревнях, как у В. М. Шукшина, но и в мегаполисах. Биолог, поселивший в своих огромных ноздрях тараканов; архивариус, магическим способом вычисляющий библиотеку Ивана Грозного; авангардист, носящийся с проектом памятника будущему; отчаявшийся человек, возлюбивший ворону, которая чуть не выклевала ему глаз; тракторист, в мгновение ока ставший арт-практиком актуального искусства; журналист, намеренно застрявший между прутьями ограды, и другие персонажи, – все они населяют мир Городища, которое по внешней форме – огромный город, а по внутренней – развалины соборной души (или коллективного бессознательного, по Юнгу).

Содержание

Пустырь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Пустырь

Повесть

Пожилой грузный человек не спеша шёл по бульварному кольцу столицы, погружённый в свои думы. Он был настолько высок и широк в «талиии», что невольно привлекал к себе взгляды прохожих. Его самодельная резная палка, на которую он опирался правой рукой, вдавливала в грунт разноцветные листья бабьего лета. Две девчущки-хохотушки, проходя мимо него, бросили обёртку от шоколадки в урну, но порыв коварного ветерка заставил спланировать бумажку прямо к ногам солидного пешехода. Он резко стал, как вкопанный, посмотрел по сторонам и попытался наклонить своё туловище, чтобы поднять фантик. Вдруг по лицу его пробежала судорога – это когда-то простуженная поясница давала о себе знать.

– Вы что-то уронили? – учтиво спросил мальчуган с огромным ранцем за плечами.

– Да, бумажку, – пробасил старик. – Брось её, пожалуйста, в урну.

– Какой культурный, – улыбнулась проходящая девушка.

– Просто старая привычка дворника, – вздохнул богатырь.

– Дворника? – обернулась девушка. – Вы больше похожи на дирижёра.

Выйдя на пенсию пару лет назад, он пристрастился к про-

гулкам. Дворницкий ветеран обычно шёл, куда глаза глядят, но заканчивался маршрут, к его собственному удивлению, всегда в одной и той же точке. Так место совершённого преступления каким-то образом невольно притягивает к себе преступника, и он, желая посмотреть на него хоть одним глазком, попадает в руки сыщиков. Сегодня же пенсионер целенаправленно шёл в свой обычный конечный пункт, чтобы вычеркнуть все черновые отрывки маршрута и жить на-бело. И вот он дошёл до него, перевёл тяжёлый взгляд на какой-то объект и, не спуская с него глаз, обрушил свои семь пудов на скамейку, отчего та жалобно закрипела. Постепенно мысли перенесли его в начало девяностых годов.

* * *

Двадцать семь лет назад он, 35-летний, такой же высокий и широкий, но поуже в талии, тоже шёл по московским переулкам, которые той ночью были особенно душны. Непокорные длинные волосы, перехваченные на макушке шнурком, чтобы не липли от пота к лицу, придавали ему вид борца сумо. Глаза человека были плотно закрыты, правая рука выброшена вперёд, а большая ладонь вращалась, словно локатор. Не смотря на плотно сомкнутые веки, он шёл уверенно и быстро. Метод ходьбы «вслепую» он вырабатывал два года, чтобы «неотменимая модальность зримого» не мешала его внутреннему сосредоточению.

«Сумоист» остановился, открыл глаза и внимательно посмотрел по сторонам. Затем достал из большой сумки, пе-

реброшенной через плечо, баллончик с краской и сделал на стене здания витиеватый знак, смысл которого не вскрыл бы самый дотошный криптоаналитик. Отметив что-то в блокноте, он снова сомкнул веки и двинулся дальше.

Когда богатырь вышел на Красную площадь, ладонь его увеличила скорость вращения, напоминая пропеллер, а тело стало метаться то влево, то вправо. Мужчина остановился и открыл глаза. Увидев впереди мавзолей Ленина, он извлёк из сумки связку чеснока и помахал ей, словно кадиллом, в сторону монументального сооружения.

– Сгинь, нечистая! – пролетел его бас по пустынной площади.

Полная Луна к тому времени заметно побледнела, и на улице начинало светать. Человек, взяв от Кремля в сторону, снова вытащил баллончик и намеревался уже пометить очередное здание, но вдруг увидел на стене свой собственный криптологический знак. Он не смог сдержать радости и искренне загоготал, отчего с ближайших деревьев слетели вороны. Толстяк достал карту центра Москвы и, крикнув от удовольствия, заключил с помощью маркера несколько кварталов города в круг. На карте было несколько окружностей большего диаметра, которые по мере исследования сужались. Как по годовым кольцам на пне можно определить возраст дерева, так по его кругам на карте можно догадаться, что потратил он на это дело немало времени.

На улице совсем рассвело. Зачирикали воробьи. Послы-

шалось шарканье дворницких мётел об асфальт. Почти все окна одного старинного жилого дома были открыты. Из одного окна слышался тихий ропот любовных игр, из другого грубый храп, из третьего окна шла благодать абсолютной тишины. За ним почивала, уставшая от недельной кутерьмы молодая начальница ЖЭКа Любовь Семёновна Пустырёва. Выражение её лица на шёлковой подушке было таким, будто она пьёт сон с жаждой истомившегося в пустыне путника. Вдруг из четвёртого окна ворвалась в мир матросская песня «Раскинулось море широко». Это глуховатый дед Панкрат, сосед Пустырёвой по коммуналке, начинал свой новый день, подаренный богом, поставив по своему обыкновению заезженную пластинку на трескучий проигрыватель.

Пустырёва резко открыла глаза, сна в которых будто и не бывало, и, издав сдержанный стон негодования, застучала кулаками в стенку. Никакой ответной реакции не последовало. Тогда женщина вышла в общий коридор и вывернула электропробки. Теперь музыка стихла. Любовь Семёновна бросилась на постель, с наслаждением потянулась и снова закрыла глаза.

Дед, видя, что пропало электричество, покачал головой и переставил пластинку на старинный патефон, который не замедлил продолжить любимую песню хозяина.

Пустырёва ворвалась в комнату Панкрата словно тигрица.
– Выходные! – прошипела она. – Выходные, старый хрыч!
Дай мне покоя!

– Да, да, – соглашался дед, отрываясь от старых фотографий, – опять чегой-то току нет!

– И когда ты подохнешь! – выпалила она, покраснев от гнева, и хлопнула дверью с такой силой, что от косяка отлетел кусок штукатурки.

Пустырёва включила телевизор, тупо уставившись на экран.

«А сейчас новости культуры, – говорило из телевизора. – Вчера на родину вернулся известный художник-авангардист Блюм». На экране появился улыбающийся мужчина лет тридцати пяти во фраке и цилиндре. Один его ус был зализватски закручен вверх, другой вниз. Вопрос корреспондента застал его у трапа самолёта. Он обвёл глазами окрестности аэропорта, взглянул в небо, вдохнул полной грудью воздух отечества и молвил:

– Спрашиваете, надолго ли? Пожалуй, навсегда!

– А почему у вас разные усы?

– О, боже, об этом много раз писала западная пресса! – поморщился авангардист. – Ну, хорошо, для родины, так сказать... Ус, который смотрит вверх, – это ус Сальвадора Дали. Он направлен в космос и является как бы антенной, воспринимающий сигналы Вселенной. А этот ус Фридриха Ницше. Он, как корень, уходит вниз, в землю, в глубину. Таким образом, имея два разнонаправленных щупа, я являюсь как бы связующим элементом между землёй и космосом.

Пустырёва так и впилась глазами в этого персонажа. Ко-

гда программа стала телевещать следующую новость, она невольно бросила взгляд на картину, висящую над кроватью, и печально улыбнулась. Зазвонил телефон. Начальница ЖЭКа тяжело вздохнула, сняла трубку.

– Ну, кто ещё там в такую рань? – спросила она устало-хриплым альтиком, закуривая сигарету.

– Пустырёва! – послышался в трубке голос, признаки половой принадлежности которого были начисто стёрты. – Почему у тебя вечно пустырь загажен?

– Да мы на той неделе пять бункеров оттуда вывезли! – удивилась Любовь Семёновна. – Три недели назад тоже вывозили!

– Немедленно убрать всё, что заново накидали! – визжала трубка. – Сегодня там будет мэр проезжать! Сию минуту!

Пустырёва набрала телефонный номер и нейтрально-требовательным голосом вежливого руководителя сказала:

– Собрать бригаду дворников и быстро на пустырь! Будь он не ладен! – всё-таки сорвалась начальница в раздражение.

Пустырь в центре Москвы не принадлежал историческим семи холмам, но также возвышался над горизонталью улиц и напоминал вылезавшую из земли шляпку огромного боровика. Почему-то власти, несмотря на дороговизну этого участка, не спешили его застраивать. Для Пустырёвой пустырь был настоящей головной болью, ибо как его не убирай, он постоянно превращался в помойку. Проверяющие организации просто замучили её ЖЭК штрафами. Пустырь же,

будто издеваясь, притягивал к себе всякую дрянь как магнитом. Но художниками он был любим, и часто можно было видеть на его хребте двух-трёх пленэристов с этюдниками.

Бригада дворников, прибывшая на пустырь, несмотря на оранжевую униформу, придающую работникам что-то общее, была по всем остальным категориям весьма разношёрстной. По растительности на голове были волосатые, лысые, бородатые и гладковыбритые, а так же такие, которые заключали в себе различные сочетания вышеприведённых признаков. Диапазон размеров тел тоже был велик: от почти карликов и худосочных субъектов до богатырей и откормленных толстяков. Отпечаток образованности на лицах ещё более углублял впечатление пестроты: от интеллигентных лиц, излучающих какую-то одухотворённость, до ничего не выражающих масок с выцветшими белесыми глазами.

Среди всех выделялся высокий и толстый человек, который ходил сегодня ночью по переулкам и делал свои странные вычисления. Сейчас он прохаживался среди работающих людей, и пристально следил за мусорным потоком. Найдя заинтересовавшую его вещь, он бросал её в сумку на плече. Если же вещь была крупная, он велел класть её на тележку, которую он заранее припас.

– Стоп! Дай-ка сюда! – впился он глазами в старинную ручку на сломанном ящичке и, ловко отодрав её фомкой, бросил в сумку. – Остальное можете забирать. А это что? Не бросать, варвары! Это же рундук! Настоящий рундук! Сюда

его!

Рундук поставили ему на тележку.

– Крохобор! – зло рассмеялся человек с квадратным подбородком. Такие лица особенно любила наглядная агитация и пропаганда в советское время. Собственно, это было одно трафаретное лицо, только с разными деталями. Пририсовали на голове каску – получился воин, дали в руки мастерок – строитель, поместили рядом микроскоп – учёный. Очень удобно. Но наш дворник несколько отличался от живописи идеологического фронта. Он был с глазами свежемороженого судака, как пить дать, с похмелья.

Богатырь услышал шпильку в свой адрес.

– Не крохобор, а Архивариус, – спокойно заметил он. – Меня так ещё с института зовут.

Появилась Пустырёва, которая уже издали выкрикивала замечания:

– Под грабли! Под грабли всё чистить!

Она выхватила грабли из рук интеллигентной старушки и показала на личном примере, как надо грести.

– Понятно как? – язвительно улыбнулась начальница. – Нажимать надо. Хоть самую малость, Наталья Леонидовна!

Вдруг Архивариус остановился, как вкопанный, потом плотно сомкнул веки и поводил впереди себя рукой. Постояв так несколько секунд, он достал из неизменной сумки стетоскоп, воткнул в уши и лёг на землю.

– Неужели здесь? – прошептал он.

Пустырёва, увидев лежащего работника, забеспокоилась:

– Что с ним? Перепил что ли?

– Переработал! – с издёвкой сказал дворник с квадратной челюстью.

– Это кто там сачкует? – похлопала она громко в ладоши Архивариусу, как в детском саду детям.

Он вскочил с места с радостным лицом и с энтузиазмом включился в общую работу. Отодвинув двух мелких работников, тщетно пытавшихся перетащить батарею, Архивариус взвалил её на грудь и направился к бункеру. Пустырёва смотрела на него с любопытством и любовалась его мощью. Архивариус швырнул батарею в бункер, который издал громкий металлический скрежет и выпустил из себя столб пыли.

– Полегче! – засмеялась Любовь Семёновна. – Бункер сломаешь, медведь!

– Опять не так! – загоготал Архивариус и подошёл к начальнице. – Это потому, что общая гребёнка меня не берёт. – Он встряхнул своими спутанными длинными космами. – Кстати, сегодня вам должно повезти в любовных делах. – Архивариус поймал рукой из воздуха невидимый сгусток энергии и растёр его пальцами. – Да, так и есть. Венера вошла в ваш знак.

– Вы полагаете? – томно спросила она и стрельнула по нему глазами. – Если бы...

– Всё зависит от вас, – понизил голос работник, – не упу-

стите свой шанс.

Пустырёва рассмеялась.

– Спасибо за информацию, – сказала она. – Может быть, я вам позвоню. Нет, лучше вы.

– О, непременно! Я приглашаю вас в парк культуры! Нет, лучше в Серебряный бор! Обожаю кататься на водном велосипеде, – расплылся в улыбке Архивариус, но вдруг заметил в бригаде какой-то непорядок и заорал.

– Не бросать, варвары!

Он снова побежал контролировать мусор.

Невдалеке от пустыря остановился джип. Из него вышел авангардист Блюм в кожаном блестящем комбинезоне и такой же кепке. Костюм его был стилизован под работягу, но во всём его облике бросался в глаза парадный лоск. Он прошёлся, поглядывая на пустырь, приставил к глазу фотоаппарат и нажал на кнопку прибора. Когда Пустырёва распорядилась работами, спустилась с пустыря на тротуар и поравнялась с владельцем джипа, она вдруг остановилась в растерянности.

– Блюм?

Молодой мужчина оглянулся.

– Люба?

Они смотрели друг на друга и улыбались.

Любовь Семёновна вспомнила случай семилетней давности. Она тогда училась в театральном училище и подрабатывала дворником. Студентка вместе с двумя однокурсниками

цами убрали один участок за временную комнату, которую им предоставили. Затем её повысили до техника-смотрителя, а ещё через пару-тройку лет Пустырёва стала директором ЖЭКа. Внезапная карьера удержала её от журавлино-небесных поползновений артистического мира, и она осталась верна синице-ручному коммунальному хозяйству.

Так вот, одетая в телогрейку Люба из последних сил гребла лопатой снег. Вязаная шапочка на её голове сбилась почти на глаза. Блюм, одетый с иголки, нехотя помогал ей убрать участок. Наконец, он в отчаянии бросил лопату, снял лёгкий ботиночек и вытряхнул из него снег.

– Люба! – закричал он возмущённо. – Когда мы будем жить вместе?! Сколько мне можно окучивать тебя?! У меня уже мозоли кровавые!

– Как я не люблю авангардистов, – с презрением бросила недотрога. – Все они белоручки!

– Ну, и оставайся со своими грёбаными передвижниками! Бурлачка волжская!

– Чтоб тебя засосало в чёрный квадрат! – разгневалась Люба. – Вот тебе беленького для очищения! – Она бросила в него целую лопату снега.

Блюм в ярости метнул в неё ботинок, который ещё не успел надеть. Студентка пригнулась, и ботинок залетел в открытое окно легкового автомобиля. Окно закрылось, и машина уехала вместе с обувью. Авангардист вытер от снега лицо, перекошенное негодованием.

– Прошу всё что угодно, только не насмешку над чёрным квадратом!

Блюм поскакал в одном ботинке к остановке и запрыгнул в троллейбус.

– Всё! Больше никогда! Нэвэ мор! – закричал он из дверей общественного транспорта и бросил в Пустырёву второй ботинок.

Она проводила взглядом уезжающий троллейбус, смахнув обледенелой рукавицей слезу, затем подняла не долетевший до неё ботинок и отряхнула от снега.

Сейчас они смотрели друг на друга, пока Блюм не вскинул фотоаппарат и не сфотографировал улыбающуюся женщину, которая почему-то сразу стала серьёзной. Он бросил взгляд на пальцы её правой руки: кольца не было.

– Разведена, – пояснила Любовь Семёновна, перехватив его взгляд. – Ну да, семь. Семь лет мы с тобой не виделись.

– Плюс пять месяцев и... восемь дней, – добавил Блюм улыбаясь. – Прошу! – Он открыл дверцу автомобиля.

Автомобиль покатил по безлюдным утренним улицам.

– Видела тебя по телевизору, – заговорила Любовь Семёновна, закуривая сигарету, предложенную Блюмом. – Как же тебя сюда занесло, да ещё в такой час?

– Выбираю место под один любопытный проект. И, по всей видимости, уже выбрал. А ты... наверное, уже старший дворник?

– Нет. Я директор, – слегка смутилась она.

– Директор! Это ж надо! Кто-кто? – вдруг заинтересовался он всерьёз.

– Директор ЖЭКа.

– Прекрасно! – вдруг возликовал Блюм. – Мне бы вот в этом самом районе арендовать помещение под мастерскую.

– Смотреть будем сейчас?

– Любочка! – комически заплакал он от такой быстроты решения проблемы. – Так не бывает! Это просто волшебство какое-то!

– Налево, – уже командовала Пустырёва, и в глазах её вспыхнул хищный огонёк.

Через пять минут Блюм деловито ходил по полуподвалу, пинал ногой в перегородки и прикидывал на глаз будущую планировку. Пустырёва стояла в дверном проёме, прислонившись к косяку, и оценивающе наблюдала за своим экс-женихом.

– То, что надо! – заключил он.

– Маляров прислать? – мурлыкнула она.

– Так ты и эту проблему можешь решить! – обрадовался Блюм. – Тогда уж заодно и слесарей с плотниками! Понимаешь, Любочка, мне всегда была как-то неприятна эта суета. Отвлекает, знаешь ли, от главного...

Он подошёл к ней вплотную, задумчиво повторяя «от главного, от главного...» Любовь Семёновна закрыла глаза и потянулась к Блюму.

– Чёрт! – вдруг вспомнил он что-то и выбежал на центр

помещения с озабоченным лицом. – Ведь со мной будет здесь жить Марья Булатовна! Надо создать для неё все условия. Она, Любочка, чрезвычайно капризна!

Пустырёва переменялась в лице.

– Что ж, желаю удачи, – сказала она, пытаюсь скрыть обиду. – Завтра пришлю рабочих. Обещала...

Начальница натужно улыбнулась и быстро вышла.

– Люба! – крикнул вслед Блюм. – Подожди меня, я сейчас! У меня к тебе ещё одно важное дело!

Он промерил помещение в длину и ширину большими прыжками и тоже поспешил к выходу.

Архивариус же, пыхтя, катил перед собой тележку, заваленную разным барахлом, отслужившим свой срок. Из подъезда, к которому он причаливал, выбежала Любовь Семёновна и, не заметив своего работника, скрылась за углом. Архивариус начал разгружать тележку. В это время из подъезда вышел Блюм и посмотрел по сторонам.

– Любезный, не наблюдал ли ты полёт экстравагантной дамы, которая минуту назад выпорхнула из этого подъезда? – небрежно обратился он к Архивариусу.

– А ты кто такой? – пробурчал толстяк с нотками угрозы в голосе.

Вдруг Блюм и Архивариус уставились друг на друга. На их лицах выразилось удивление.

– Какими судьбами? – воскликнул Архивариус.

– Вот это встреча! Это просто провидение какое-то! –

взвизгнул авангардист. – Ведь я только вчера вспоминал о тебе!

Они обнялись, и Архивариус долго тряс старого приятеля за плечи.

– Чего так воняет от тебя? – улыбаясь, спросил Блюм, на силу освободившись от железной хватки силача.

– Работа такая, – смеялся Архивариус. – Зайдём-ка ко мне! Чайку попьём, побазарим.

– Так мы теперь соседи? Что ж, поговорить нам, скажем, будет о чём, – охотно согласился Блюм.

– Захватим заодно, – кивнул Архивариус на тележку с вещами.

Блюм взял две лёгкие рамки для картин.

– Рундук бери, – указал ему приятель. – Эту мелочь я потом одним махом захвачу.

Блюм взял рундук за ручку с одной стороны и с трудом оторвал его от тележки. Архивариус с другой стороны потащил рундук в подъезд, увлекая за собой семенящего ногами за тяжёлой ношей товарища.

Коридор коммуналки, в которой обитал Архивариус, весь был заставлен разнообразными вещами, найденными на помойке. Когда старые приятели с грохотом втащили рундук, одна из дверей приоткрылась, и в проёме показалась жующая голова дворника с квадратной челюстью, того самого, который работал на пустыре.

– Ну, куда? Куда? – возмутился он. – Хватит уже! В убор-

ную пройти нельзя! Выкину я всё твоё барахло скоро!

Архивариус никак не отреагировал на возмущение соседа. Он обсмотрел свой склад и, найдя свободное местечко, кивнул в ту сторону, куда и перетащили рундук.

Комната Архивариуса была на самом отшибе квартиры. Чтобы открыть в неё дверь, нужно было слегка отодвинуть комод, стоявший в коридоре. Внутренность комнаты представляла собой настоящую свалку. Правда, среди нагромождённых друг на друга предметов были проходы, которые образовывали хитрую сеть лабиринта. Все ходы были электрифицированы строительной переноской.

– Прошу! – пробасил Архивариус, отодвинув плечом комод. – Как знал, что гости придут – уборку сделал!

Блюм, подняв ладони на уровне лица и делая гимнастику пальцев после тяжёлой физической нагрузки, прошёл в комнату по одному из ходов, но попал в тупик.

– Не туда! – крикнул хозяин. – Перед швейной машинкой «Зингер» надо свернуть направо!

Блюм, наконец, пробрался в довольно уютный уголок, где был диван, стол и два стула. На стене висела карта города, на которой были обозначены фломастером грубые сужающиеся круги.

– Под окнами твой шарабан? – любопытствовал Архивариус, включая собранную из разных моделей электрокофемолку.

Блюм, улыбаясь, закивал в ответ.

– На чём разбогател-то?

Блюм задумался и потёр щепотью пальцев правой руки воображаемую мысль со звуком «э-э-э».

– Хм. В основном на огненных шоу. Но это дело прошлое. Меня сейчас интересует другое. Есть один интересный проект.

– Ну-ка, выкладывай!

– Это сооружение памятника, – начал Блюм как бы изда-
лека.

– Кому?

Блюм печально посмотрел на приятеля.

– Ну почему сразу: «Кому?» Да никому! Всему человече-
ству!

Он нервно закурил, но спохватился и сделал сигаретой
знак вопроса, быстро потыкав ею у своих губ.

– Кури, – пробурчал Архивариус, пополз на четвереньках
и скрылся в каком-то потайном лазе.

Через секунду заурчал кондиционер, а через две – вернул-
ся хозяин через тот же лаз, но задницей вперёд.

– Интересный способ передвижения, – улыбнулся Блюм.

– Раком-то? В ЖЭКе всему научишься.

– Вот если бы ты так умел мыслить, – многозначительно
заметил товарищ, – то цены бы тебе не было! Ты сразу бы
схватил идею моего проекта. Беда человечества в том, что
оно примитивно мыслит.

– Так расскажи мне поподробнее, уж постараюсь разо-

браться! – сказал Архивариус с ноткой обиды в голосе.

– Этот проект, – начал Блюм, – должен будет сделать революцию в монументальном искусстве! Он перевернёт представление о памятнике с ног на голову! – Авангардист встал, чтобы по своей ораторской привычке пройтись, но так как двигаться было негде, снова присел. – Ведь чем были все памятники до меня? Они были пронизаны идеей памяти о прошлом. У меня же будет интуитивное прозрение будущего! Смекаешь, старичок? Это будет памятник будущему человечеству! И это будет великая связь через космос!.. – Блюм стал задыхаться от волнения и вдохнул лекарство из карманного ингалятора.

– А что это будет конкретно? – неподдельно заинтересовался Архивариус.

Блюм соединил свои руки в замок и, не расцепляя пальцев, перекрутил их. Лицо его побледнело от боли, и капли пота выступили на лбу, но авангардист мужественно продолжал держать фигуру высшего пилотажа. Потом Блюм закатил глаза и, сжав зубы, проговорил:

– Я ещё не знаю! – Он развязал замысловатый узел из собственных конечностей и с энтузиазмом добавил. – Но место под памятник я уже присмотрел: прекрасный пустырь в центре города!

Архивариус разлил кофе в мутные стаканы.

– Охо-хо-хо-хо, – зевнул он и хлебнул чёрный напиток. – Это ведь то же, что и твоя экспедиция на Памир десять лет

назад. Праэнергия, чёрт возьми! Три года пропало!

– Да, это была ошибка, – отмахнулся Блюм.

– А я ведь тогда внедрился в географическое общество, убедил государство в финансировании. Государство! В финансировании псевдоэкспедиции! Охо-хо-хо-хо! – качал Архивариус головой. – Ну, ладно, дело прошлое. Ты вот лучше меня послушай. Я тебе первому это говорю, как старому приятелю. У меня тоже один проектец имеется, – подмигнул толстяк и перешёл на шёпот. – Я почти нашёл библиотеку Ивана Грозного!

Блюм сдохотнул. Потом ещё раз сдохотнул. И затем, больше не в силах сдерживаться, просто зашёлся от смеха.

– Ты чего? – не понял Архивариус.

Когда Блюм немного успокоился, он объяснил:

– Я сомневаюсь, старичок, что таковая вообще была когда-либо. Вся всемирная история – это чистейшей воды фальсификация!

Архивариус посмотрел на Блюма очень мрачно, взглядом убийцы. Авангардист слегка замылся.

– Но мой принцип: уважать чужое мнение, – улыбнулся он и небрежно потрепал Архивариуса за плечо. – Что же дальше?

– Нужны деньги для раскопок, – безнадёжно сказал хозяин и медленно, по-бычьему вытянул из стакана весь кофе.

– Что ж, если твоя находка подтвердится, то я готов помочь в спонсорстве.

– Вот за это огромное спасибо! – внезапно оживился Архивариус. – Пей кофе-то! Тебе налил!

– Благодарю, я сыт, – испугался Блюм и невольно поднял согнутые пальчики к груди.

– Значит, по рукам! – Архивариус протянул свою ладонь-лопату приятелю, которую тот и пожал. – Вот в следующее полнолуние проверю свои данные и, скорее всего, можно будет начинать рыть.

– Но я хотел бы ещё поговорить о моём проекте. – Блюм опять закурил. – Ты ведь ещё в Суриковском славился тем, что фонтанировал всевозможными идеями. Что тебе пришло на ум, когда я тебе говорил о памятнике?

– Ну-ка, напомни, – растерялся хозяин.

– Хорошо, я тебе поведаю самую суть, о которой тоже ещё никому не заикался. Памятник должен будет нести энергию каждого подошедшего к нему посетителя в космос! В космос! Это будет как бы энергетический храм, направленный в будущее, но вместе с тем, он должен будет заключать в себе и современную культуру. Я, конечно, выражаюсь слишком туманно...

– Отчего же? Минуточку.

Архивариус сделал правой рукой над своей головой кругообразное движение, закрыл глаза и погрузился в транс. Через некоторое время он открыл один глаз и исчез в куче мусора. Появился он совершенно с другой стороны с помятым пионерским горном в руках. Вытерев его от грязи подушкой,

Архивариус поднёс его к губам, направил инструмент к потолку и издал, насколько хватило лёгких, длинный и противный звук. В стенку постучали.

– Понял? – спросил он с горящими глазами?

– Честно говоря, не совсем, – сказал Блюм, наморщив лоб и пытаясь разгадать смысл задумки товарища.

– Труба, идущая в космос, – начал объяснять Архивариус. – Кто захотел, тот подошёл и дунул. Звуковая волна достигает космической зеркальности и, естественно, отразившись, возвращается назад. Авангардист рассмеялся.

– А если она не вернётся?

– И не надо! – тоже рассмеялся Архивариус. – Тебе же, как художнику, нужен символ!

– К чёрту символ! – вдруг психанул Блюм. – Символ – это старьё! Мне нужно и символ перевернуть! Хотя... – он задумался, – в этом что-то есть. Спасибо. – Блюм с серьёзным лицом протянул руку. – Мне пора. Архивариус потряс его руку:

– Очень рад нашей встрече.

Блюм вышел из подъезда и направился к автомобилю. На ходу он вытер свои руки белоснежным носовым платком.

– После следующего полнолуния! – послышался сверху голос Архивариуса, который высовывался из окна второго этажа.

Блюм рассеянно кивнул головой и сел в машину. По вздутым венам на лбу и висках, которые как бы шевелились, бы-

ло очевидно, что мысль авангардиста бешено работала.

* * *

Но вернёмся из путешествия во времени в сегодняшние будни. Каменное лицо пожилого Архивариуса неожиданно шевельнулось бровями. Он увидел, как из подержанного жука-фольксвагена вышел другой пожилой человек и тоже вперил свой взгляд в объект. Брови толстяка сделали гневную галку от ревности, но постепенно перешли в горизонталь и, наконец, встали домиком от удивления. Он засунул два мизинца в рот и выдал громкое глиссандо. Владелец жука оглянулся, прощупал глазами панораму слева направо и остановился на свистуне, который махал ему рукой. Наконец он заулыбался, ответил коротким свистом без приспособления пальцев и направился к знакомому.

– Привет, Блюм, – вскочил и подал пятерню Архивариус. – Как ты полысел!

– Привет-привет. А у тебя брюхо раздалось! – попытался нанести контрудар авангардист.

– Так это прибыль, а у тебя убыль.

Впрочем, Блюм для своих лет, выглядел неплохо. Немного ссутулился, похудел, полысел, но дерзкая постановка головы и надменный лордовский взгляд оказались неподвластны годам. Бархатная куртка, несмотря на изрядную поношенность, своим старинным изысканным покроем ещё более прибавляла ему аристократизма.

– И усы свои зачем-то так кардинально убавил.

Авангардист действительно сбрил оба кончика усов, и они сузились до чаплиновского пятна под носом.

– Демократизировал обе стороны, – пояснил он.

– Теперь ни ввысь, ни вглубь? Понятно.

Вдруг они замолчали, как в театре после третьего звонка, усадились на скамейку и начали вместе созерцать объект.

А со стороны объекта на них смотрели два невидимых, цепких глаза.

– Как всё интересно начиналось, – шепнул Архивариус.

* * *

Пустырёва пришла домой в раздражении, что выражалось в резкости её движений и громком хлопке входной двери. Она зашла на кухню и хотела зажечь газовую конфорку, но в гнев бросила спичечный коробок на пол: плита была запачкана.

– Нет, это невозможно! – твёрдо сказала она и решительно направилась к комнате Панкрата.

Ударом ноги Пустырёва отворила дверь. Дед в это время лежал на диванчике и рассматривал журнал «Плейбой».

– Сколько это может продолжаться? – закричала она. – Я уже замучалась отмывать после тебя плиту! Нет памяти, так сиди на кухне и следи за своей баландой, чтобы не убежала! Да хоть бы оторвался! Ноль внимания! Выпишу я тебя скоро из квартиры! За грязь, за нарушение тишины и прочие ху-

лиганства! Сейчас же пойду и напишу заявление! Пойдёшь жить на улицу к бомжам! Ясно?

Панкрат лежал и непонимающе моргал глазами.

– Что зенками хлопаешь? Ты когда последний раз полы мыл?

Она пошла в ванную и, налив ведро воды, поставила его у открытой двери Панкрата.

– Тряпку в руки и вперёд! – скомандовала она. – Долго мне ждать?

Панкрат с трудом перевёл тело в сидячее положение и тихонечко заскулил:

– У-у-у... никому я не нужен... у-у-у... где ты, моя старуха?..

– А кому ты можешь быть нужен? – перебила его Пустырёва, сделав акцент на неправильном удареии Панкрата. – Детей не народил, один катался, как сыр в масле! Вот и некому о тебе позаботиться! Мотай-ка в дом престарелых! Там много таких, как ты.

Дед встал и хотел было выйти.

– Куда? – остановила его Любовь Семёновна.

– На кухню. Чайку хотся.

– Вот тебе, а не чай! – она поднесла к его носу кукиш. – Отныне на кухню тебе дорога закрыта!

– А в уборную?

Пустырёва задумалась.

– В самое сердце бьёшь, гадёныш! – вспылила она из-за

неразрешимой задачи. – Ладно уж, в туалет пока можешь. Цени моё великодушие! Чем у тебя тут воняет? – Она прошла по комнате Панкрата. – Значит так, веник в руки...

Старика уже давно начало трясти от нервного возмущения. Он замахнулся журналом и со словами «якорь тебе в глотку!» запустил им в Пустырёву. Любовь Семёновна в гневе развернулась, но вдруг из открытого окна влетел большой букет роз и попал ей в голову. Она на мгновение растерялась, оказавшись под перекрёстным огнём, ринулась было к Панкрату, но внезапное ржание лошади за окном заставило её бросить силы на возможно более сильного и опасного противника. Начальница подбежала к окну и выглянула.

Под окном на красивом белом коне восседал Блюм и махал ей рукой. Он был одет в белоснежный парадный костюм жокея.

– Приглашаю вас на прогулку! – улыбался он улыбкой голливудской звезды.

– А как часто ваша Марья Булатовна получает от вас букетом роз по физиономии? – пыталась одной фразой нанести двойной удар Пустырёва.

Блюм захохотал.

– Я не зоофил! Марья Булатовна предпочитает овёс! – он похлопал свою лошадь по шее.

– Так это лошадь? – начала оттаивать Любовь Семёновна.

– Даже если бы это была верблюдица, я не стал бы её кормить розами, хоть они и колючие.

Пустырёва подняла с пола букет и окунула в него лицо. Проходя мимо Панкрата, она тихонько рыкнула на него, но на лице женщины играли улыбка и румянец. Когда Пустырёва скрылась из виду, Панкрат подошёл к окну и оценивающе посмотрел на авангардиста.

– Хлипкок уж больно, – произнёс он недоверчиво.

Через четверть часа Любовь Семёновна сидела в седле на белой лошади, которую под уздцы вёл Блюм.

– Какой у тебя стал властный голос, – говорил Блюм. – На кого это ты так серчала?

– О, это моя боль! Сосед по коммуналке! – жаловалась Пустырёва с преувеличенной трагичностью в голосе. – Была самая перспективная квартира, когда я туда прописывалась. Две одинокие старушки, один старичок и я. Старушки оправдали все мои надежды, а вот дед Панкрат, похоже, что и меня переживёт! А из-за него я квартиру не могу приватизировать, – виновато улыбнулась она.

– Фи-фи-фи! – поморщился Блюм, – какая проза!

– А где ты её видишь, поэзию-то? – вздохнула Любовь Семёновна. Авангардист остановился, с недоумением взглянул на спутницу и потрепал лошадь по холке.

– Ну, как, Марья Булатовна, покажем Любове Семёновне диковинную птицу под названием поэзия?

Лошадь одобрительно улыбнулась, обнажив ряд крупных, жёлтых зубов. Хозяин ловко вскочил ей на спину, усевшись позади Пустырёвой, и стукнул пятками по бокам животного.

Марья Булатовна с двумя всадниками на спине бросилась с места в карьер и понеслась по бульвару, перейдя на плавный галоп. Пустырёва с испуганно-удивлёнными глазами летела над землёй, широко открыв рот, будто делала один бесконечно-долгий вздох.

– Куда ты меня везёшь? – смеясь от восторга, спрашивала Любовь Семёновна, прижавшись спиной к Блюму.

– В царство поэзии! – отвечал лихой наездник.

Они влетели на холм уже известного нам известного пустыря и остановились.

– Вот эта помойка и есть... – Пустырёва внимательно посмотрела Блюму в глаза.

Блюм окинул взглядом первооткрывателя панораму города и, выкинув руку, тыкнул большим пальцем вниз.

– Я воздвигну здесь величайший памятник всех времён и народов! Он соскочил с лошади и по-хозяйски прошёлся по пустырю.

– Я уже знаю, какой он будет! – ликовал авангардист, слегка позируя по своему обыкновению. – Я прочно ухватил идею, которую сегодня предоставил мне случай! О, я соединю небо и землю! Они сольются в едином поцелуе, а поцелуем и будет мой монумент, который я подарю миру!

Пустырёва смотрела на него во все глаза. Вдруг Блюм как-то неожиданно скис, закашлялся, пшикнул в рот из карманного ингалятора и присел на ящик, который уже кто-то бросил на очищенный утром пустырь. Он подпёр кулаком под-

бородок и закрыл глаза.

– Джон, Джон, – пробормотал художник с горечью в голосе, – где ты, мой Джон?

– Что это за Джон? – насторожилась Любовь Семёновна.

– Это мой продюсер, американец, – продолжал вздыхать Блюм. – Большой хватки человек. Это он организовывал для меня огненные шоу за рубежом. Без него я как без рук.

Пустырёва облегчённо вздохнула.

– Ведь я человек чистого творчества. Все эти организационные проблемы, вся эта рутина и дразги просто убивают меня! А ведь надо получить у властей разрешение на строительство. Неужели я погиб?

Любовь Семёновна сползла с лошади на землю, подошла к Блюму сзади и обняла его.

– Столько счастья за один день! – прошептала она. – Да этот помоечный пустырь давно у всех поперёк горла стоит, в том числе и у меня. А тут – памятник! Да префектура рада будет поддержать твой проект.

– Неужели? – восторженно воскликнул Блюм. – А как... к кому... и чего...

– Я тебе помогу...

Пустырёва не договорила фразу, потому что слилась с художником в долгий поцелуй.

А дед Панкрат, окинув печальным взглядом свою комнату, надел на плечи маленький рюкзачок, взял свой старень-

кий патефон и, шмыгнув носом, пустил по щеке крупную слезу.

– Мешаю я тебе, дочка, – вздохнул он со скрипом и поковылял прочь.

На круглом столе в рамке стояла фотография, запечатлевшая Панкрата молодым, в тельняшке, с закрученными чёрными усами. Рядом лежал клочок бумаги, на котором химическим карандашом было нацарапано два слова: пошёл помирать.

Захлопнулась входная дверь в коридоре, и цветастые занавески на окне бывшего морячка колыхнулись в сторону улицы, словно вылетел из комнаты его дух вслед за хозяином.

Дед Панкрат, спускаясь на эскалаторе, с любопытством смотрел по сторонам и разглядывал рекламные щиты. Седая борода его развевалась от лёгкого ветерка.

– Ребятки, – обратился он к детворе, – как мне до Ждановки доехать?

Ребятишки пожали плечами и растворились в толпе. Панкрат сделал движение к идущему молодому человеку.

– Нет денег, отец! – отрезал тот и прошёл мимо.

Тогда он нашёл милиционера и обратился к нему.

– Мил человек, совсем я запутался, лет десять в метре не был. Как мне до Ждановки доехать?

Милиционер подумал и заглянул в схему метро.

– Нет такой станции, – безапелляционно заявил он.

– Как так нет? – возмутился Панкрат. – Сквозь землю что

ли она провалилась?

– А куда вы едете?

– На кладбище.

– На какое кладбище? – улыбнулся терпеливый милиционер.

– От Ждановки на автобусе ещё надо ехать! Старуху хочу навестить перед смертью!

– Ничем помочь не могу, – отдал честь сержант и, смутившись, отошёл в сторону.

Дед подошёл к краю платформы. В глазах его было отчаяние.

– Вот она и пришла, смерть-то.

На станции объявили: «Отойдите от края платформы. Посадки на поезд не будет». Показался технический состав со срезанными вагонами.

Один «обдолбанный» наркоман уставился на Панкрата.

– Ты прикинь, – сказал он своему такому же приятелю, – Дед Мороз в июне месяце!

Технический поезд остановился на две секунды. Панкрат зашёл в вагон, присел на деревянную лавку и поёрзал на ней.

– Раньше помягче сиденья-то были, – заметил он отрешённо.

Вдруг второй наркоман встрепенулся.

– Где Дед Мороз? – начал он жадно искать белесыми глазами нужный объект.

– Да вон!

Они посмотрели на то место, где несколько секунд назад стоял Панкрат, но оно было пустым.

– Ну, тебя глючит! – засмеялся второй, а первый непонимающе хлопал веками.

Состав тронулся и скрылся в тоннеле.

Через несколько минут локомотив заехал на запасной путь и, оставив несколько вагонов, уехал.

Панкрат остался в отцепленном вагоне в полной темноте.

В одном американском баре за столиком сидели братья Джон и Майкл. Джон был ровесником Блюма, Майкл лет на десять их постарше. Младший брат выглядел довольно потрепанным, старший выделялся импозантностью.

– Я больше не могу работать с этим русским авангардизмом! – тяжело вздохнул Джон и влил в горло целый дринок.

– Но ты же сам говорил, что он гений.

– Может быть он и гений, но я разорился из-за его безумных проектов! – Он махнул ещё один дринок.

– Но ты же говорил, что все идеи придумываешь ты сам!

Джон засмеялся с нотками истерики в голосе.

– Майкл, он берёт самую мою простую идею и доводит её до фантазмагии! И я сам заражаюсь его проектом, но ничего не могу с собой поделать! Он гипнотизёр, Майкл! Он страшная личность! Десятитысячный первоначальный проект после его редакции становится миллионным!

Джон искренне заплакал.

– Вы расстались? – серьёзно спросил Майкл.

Младший брат закивал головой, ибо горло душили спазмы.

– Жаль. – Майкл раскурил сигару. – Значит, ты без работы и без денег?

– Я больше не мог с ним оставаться! Он решил соорудить в Москве какой-то памятник! А какой, сам ещё не знает! О, я представляю, что это будет за чудовище!

– Памятник? – заинтересовался старший брат. – Да ещё в Москве? Любопытно.

Он остановил Джона, который собирался влить в себя ещё один дринок.

– Хватит. У меня возникла интересная мысль. Едем в лабораторию.

Майкл вёл машину, изредка скашивая глаза на изрядно охмелевшего братца.

– Знаешь ли ты русских царей? – осторожно заговорил старший брат.

– О, знаю! Это Пётр! Он пропилил окно в Америку!

– Был ещё и другой. Иван.

– Что? Там даже царей Иванами называли! Блюм тоже Иван! Да ещё Иванович!

– Нет, – засмеялся Майкл, – тот был Иван Васильевич. Иван Грозный!

Машина полетела на огромной скорости.

– Иван Грозный, Иван Грозный, – проговаривал Майкл и,

стиснув зубы, увеличивал скорость.

– Осторожно! – испугался Джон, но брат ловко вписал автомобиль в поворот и резко ударил по тормозам.

– Нас интересуют оба Ивана! – многозначительно произнёс Майкл и открыл дверцу.

Они зашли в химическую лабораторию, которую возглавлял Майкл. Хозяин открыл сейф и достал толстую папку.

– Я сейчас открою тебе великую тайну, как брат брату, – сказал учёный. – Но ты поклянёшься мне, что никому о ней не скажешь. Даже отцу!

– О'кей!

Джон мгновенно протрезвел.

– В этой папке ценнейшие документы. Они попали к нам из Японии, а до этого хранились в архиве русских царей. Я буду краток. – Он развернул карту древней Москвы. – В шестнадцатом веке Иван Грозный, этот умный, хитрый и жестокий человек, держал тайную лабораторию. На него работали видные алхимики Европы, сумевшие избежать участи костра на родине, а так же индусы с иранцами. Как ты думаешь, Джон, чем они занимались?

– Нашли формулу философского камня? – вытаращил удивлённые глаза младший брат.

– Эликсир жизни! Грозный готовил его для своей династии! – шептал учёный. – И должен где-то остаться его склад!

После продолжительной и напряжённой паузы Майкл подозвал Джона кивком головы.

– Это карта Москвы шестнадцатого века. А вот карта современного города. Тогда Москва занимала вот эту часть. – Он обвёл ручкой центр современной Москвы. – Изучи обе карты скрупулёзно! Возобнови отношения с Блюмом и включись в его проект по возведению монумента!

– Ты думаешь, что нам удастся...

– Молчи! Я понимаю, что у нас один шанс из тысячи! Но игра стоит свеч! Ты вспомни, чему учил нас отец! Истина лежит рядом с безумием! Если монумент будет в центре, то шансы увеличиваются! Завтра вылетаешь. Как только там определят место под строительство, немедленно сообщи мне. – Майкл тяжело вздохнул. – Если не получится, то мы ничего не потеряем, а если найдём!.. страшно и подумать.

Указательный палец Майкла судорожно зачертил по карте Москвы.

Архивариус, в нарядной по его меркам рубашке, тщательно расчесал мелкой гребёнкой свои выющиеся только что вымытые волосы, которые своей непокорностью походили на стальную проволоку, откинул белую накидку с зеркала, висевшего на стене, и приблизил к нему лицо. Кстати, рядом висело зеркало с чёрной накидкой. Через минуту он громко заурчал, будто гигантский кот, расправил плечи, улыбнулся и снова завесил зеркало. Полистав записную книжку, Архивариус остановился на словах «директор ЖЭКа Пустырёва Л.С.» и набрал телефонный номер. В ответ послышались

длинные гудки. Он приблизил к трубке ладонь и поводил ею в воздухе. Вдруг Архивариус насторожился, улыбка исчезла с его лица. Он опять послушал гудки и стал пальцами вытягивать из трубки невидимую нить. Попробовав её на вкус, оккультист с тяжёлым вздохом положил трубку на аппарат.

– Любовник, – скрипнул он зубами.

В очередное полнолуние Архивариус среди вновь нанесённого мусора на пустыре возился со своими странными приборами и приспособлениями. Он был до пояса раздет. Пот бежал градом с его лица и плеч. Наконец астролог расставил зеркала и линзы различных калибров в нужном ему порядке, поймал большой лупой луч одной из звезд и записал что-то в записной книжке. Затем Архивариус сменил положение приспособлений и снова сделал запись. Он сверил углы, под которыми падали лучи звёзд и в раздумье сказал: «Эхэм». Затем снова подвигал приборы и сел на землю в ожидании, поглядывая исподлобья на коварную Луну.

Вдруг в большом зеркале появилась светлая точка, которая стала разрастаться и, неожиданно вспыхнув на несколько секунд, словно мощным прожектором осветила направленным светом одно из окон соседнего дома.

Старушка, разбуженная вспышкой, подкралась к окну и выглянула из-за портьеры на пустырь. Поток света внезапно прекратился. И вдруг мощный бас согнал с деревьев ворон.

– Эврика! – кричал Архивариус, упав на пустырь и целуя землю. – Эврика!

Старушка задёрнула портьеру и стала испуганно молиться.

После утренней уборки Архивариус спустился в полуподвал Блюма. Помещения были уже отремонтированы по высшему разряду. Хозяин находился в прекрасном расположении духа, что выражалось в насвистывании им незамысловатой мелодии. Он был одет в блестяще-серебристый комбинезон и такой же шлем, что делало его похожим на астронавта из фантастического фильма.

– Нашёл, – выпалил Архивариус ещё на пороге.

– Что именно? – не понял приятель, не переставая насвистывать.

– Библиотеку Ивана Грозного!

Блюм отдал дань удивления свистом, сделав глиссандо вниз. Но это была лишь дань и поэтому лёгкая мелодия зазвучала вновь, как ни в чём не бывало.

– Не свисти! – немного обиделся Архивариус. – Все деньги просвистишь!

– А может быть, наоборот насвищу? – улыбнулся Блюм. – Взгляни-ка лучше на это!

Он нашёл в компьютере нужное окно и показал товарищу схемы и чертежи. Архивариус долго и тупо смотрел на треугольники, конусы и круг.

– Ну, как? – спросил довольный своей работой авангардист.

– Нормально, – похвалил его Архивариус, чтобы поскорее

перейти на более насущную тему. – Ну, так вот...

– Ты меня извини, – перебил его Блюм, – что я позаимствовал начальную форму у тебя. Но это был лишь толчок, так сказать, зацепка за конкретику. Заметь, что у меня не горн. Здесь возвышается целых четыре семидесятиметровых раструба. Также, в них совершенно не надо будет дудеть, как у тебя. Здесь будут посылаться не звуковые, а чисто энергетические сигналы! Хочешь знать, как? Хочешь? – Он плеснул в бокалы вишнёвый сок.

– Хочу, – потянулся Архивариус к бокалу с соком, но тут же понял свою промашку и поставил своё лицо в положение «весь внимание».

– Вот здесь будут закреплены десять золотых колец разного диаметра.

– Почему именно десять?

– Потому что на руках десять пальцев. Каждый сможет вставить свои руки в эти кольца, которые напрямую связаны с раструбами, и ощутить всё величие соединения с космосом!

– А ноги?

– Что ноги?

– Там тоже десять пальцев.

– Ноги – это неважно, – занервничал Блюм. – Человек шупает руками! Руки – вот уникальный инструмент человека! В землю сооружение будет уходить на тридцать метров. Этим будет достигаться абсолютная устойчивость и дополнитель-

ная подпитка энергетикой самой планеты.

– Грандиозно! – покачал головой Архивариус. – Можно ещё соку?

– Разумеется.

Блюм прошёлся по просторному залу.

– Я могу предложить тебе соавторство, – подмигнул авангардист.

Архивариус поперхнулся напитком.

– Но с одним условием, – продолжал Блюм. – Ты сделаешь мне эскизы барельефов. Которые будут возвышаться по всей площади раструбов. Не забыл ещё? Ведь в институте ты был лучшим барельефщиком.

– А что делать-то? – Архивариус с готовностью встряхнул большими залежавшимися ладонями.

– Там должны быть изображены сцены из книги рекордов Гиннеса. Например, Моцарт, сочиняющий за клавесином; человек, который дальше всех плюёт; женщина с самыми длинными ногтями и так далее.

– Забавно, – заметил Архивариус и стал серьёзным. – А может быть изобразить одних гениев?

– Не понял?

– Ну, зачем тебе плюющего-то человека?

Блюм искренне рассмеялся.

– Вот он застой мозгов, – сказал он и стал раскуривать трубку. – А чем же плюющий всех дальше в мире человек не выдающийся? Вот смотри, все наши искусства – это опреде-

лённые навыки и напряжение некоторых мышц нашего организма. Представь себе на секунду, что человечество пошло бы не по пути наших искусств, а по пути плавательного мастерства. И на ты сказал бы тогда, что Моцарт не выдающийся лишь на основании того, что он плохо плевался?

– Ну, хорошо, согласен. Что скажешь, то и сделаю, – сдался Архивариус, – А гонорар мне какой-нибудь причтется?

– Безусловно, – заверил Блюм. – Могу пока обещать пять процентов от общих сборов после осуществления проекта.

– А как насчёт раскопок библиотеки? – насторожился Архивариус. – Ведь обещал помочь в спонсорстве.

– Для этого мне нужны данные, подтверждающие наличие библиотеки .

– Ничего нет проще! – возликовал Архивариус. – Сейчас я тебе всё выдам!

Из глубины апартаментов Блюма послышалось лошадиное ржание. Блюм направился туда, Архивариус засеменил за ним.

– Ну, во-первых, я ищу библиотеку около года, – начал своё доказательство Архивариус. – Каждое полнолуние, благодаря моему дару ощущать некоторые токи, я сужал круги и таким образом вышел на пустырь. Блюм открыл помещение, где находилась белая скаковая лошадь, перед которой телевизор показывал передачу «В мире животных».

– Сколько мне пришлось преодолеть барьеров! – продолжал Архивариус. – Я даже Ленина победил! Ленина!

Авангардист многозначительно присвистнул.

– Такая мощнейшая энергетика от мавзолея прёт, что постоянно сбивала меня с толку. И это естественно, что Владимир Ильич пакостил мне. Ведь вся его воля была устремлена в будущее, как и у тебя, тогда как я ищу то, что было несколько веков назад.

– Что, Марья Булатовна, не нравится передача? – потрепал Блюм лошадь за морду и начал щёлкать пультом, задерживая каждую программу на некоторое время.

– Во-вторых, сегодня ночью соотношения углов падения луча каждой основной звезды всех зодиакальных созвездий составил шестеричную прогрессию! – бросил Архивариус немаловажный козырь. – А это бывает раз в пятьсот лет!

Марья Булатовна выразила явное удовольствие от телеигры «О, счастливчик» (сейчас она называется «Кто хочет стать миллионером»), фыркнув ноздрями и закивав головой.

– Ах, ты моя интеллектуалочка! – умилился Блюм и дал лошади ананас.

– В третьих, мерцание Сириуса замедлило частоту колебаний, как бы затаив дыхание перед великой находкой. А Сириус – моя звезда!

Блюм вернулся в зал и развалился в кресле перед компьютером.

– И, наконец, моя интуиция! Я просто верю, что там находится библиотека Ивана Грозного!

– Это не научно, – поморщился Блюм. – Ну что такое мер-

цание, Сириус, интуиция, «верю», «не верю»? Может быть, там что-то и есть, например, какая-нибудь канализация или бог знает, что... – Он углубился в компьютерную игру.

Архивариус, в то время, пока авангардист говорил, заметил на столике фотографии, которые привлекли его внимание. Он взял их в руки и начал рассматривать. На фотографиях был запечатлён известный пустырь с разных ракурсов.

– Откуда у тебя это? – перебил он Блюма.

– Я сам фотографировал свой пустырь.

Архивариус изменился в лице.

– Когда ты намерен запустить свой проект? – спросил он дрожащими губами.

– Думаю, недельки через две-три, ну, через месяц. Как утрясутся дела с бумагами.

– Блюм, – сказал Архивариус, побледнев, – именно под этим пустырём библиотека Грозного! Ты не посмеешь вторгаться экскаватором в ценнейшие исторические слои почвы. Там надо снимать миллиметр за миллиметром.

– Ну, милый мой, этак и за десять лет не построишь. А я намерен открыть свой памятник ко Дню всех влюблённых!

– Зачем там нужен какой-то безумный мемориал, когда под пустырём уже есть бесценный исторический памятник?! – взревел Архивариус.

– Мне плевать на то, что там есть! – вдруг взвизгнул авангардист и завязал руки в узел. – Я сам составлю историческую эпоху! С меня начнётся новая эра! Причём тут какая-то

библиотека, которой и существовать-то не должно?!

Он пошатнулся и опёрся локтем на клавиатуру компьютера. На экране монитора зарубились мечами два отъявленных головореза.

– Варвар! – в ужасе прошептал Архивариус, скрипнув громко зубами.

– Тупица! – пытался крикнуть Блюм, но закашлялся от возбуждения и, развязав руки, воспользовался несколько раз ингалятором.

Архивариус медленно поплыл к выходу, задумчиво крутя пуговицу. У самой двери он оглянулся.

– Если бог есть, он не допустит твоего проекта. Бабник! – На последнем слове пуговица, которую он крутил, оторвалась.

– Вот мы и проверим... – выдавил авангардист, но новый приступ кашля прервал его речь.

Когда он поднял голову, приятель, а вернее, уже враг, удалился. Дверь была распахнута настежь. Блюм повернулся к монитору, стиснул зубы, и, ударив пальцами по клавишам, через секунду поразил мечом компьютерного противника.

Старушка, которую ночью разбудил пучок света с пустыря, стояла в очереди в магазине и беседовала со своей знакомой. Знакомая была интеллигентного вида бабушка в дворницкой оранжевой безрукавке, та самая Наталья Леонидовна, которую начальница ЖЭКа учила грести граблями на пу-

стыре. Она слушала простоватую подругу и пыталась скрыть на своём лице тонкую насмешку.

– Вот вам крест, Наталья Леонидовна, – уверяла её подруга, – здоровенный такой, косматый, голос страшный «Э-э-э! А-а-а!»

– И, конечно же, с рогами! – заключила Наталья Леонидовна, тихонечко рассмеявшись.

– Ой, и не знаю, что это было, а только ходят слухи, – сплетница понизила голос, – что призрак деда Панкрата там шастает. Не похоронен он будто бы, вот душа-то неприкаянная и мечется.

– Ах, оставьте вы эти бредни, Лидия Григорьевна, – сказала интеллигентка с ноткой раздражения в голосе. – Я понимаю, что помойка является продуктом энтропии, распада, и в этом смысле я могу согласиться, что она – дьявол. Но лишь символически! Вы же всё принимаете за чистую монету, простите, как дикарь. Нельзя же так, в самом деле! Позвольте, позвольте, сколько вы мне должны сдачи? – обратилась она к кассирше, не успев погасить раздражение.

– Всё правильно, – фыркнула та в ответ. – Следующий!

– Боже, какие астрономические цены! Уму непостижимо! – нервно засмеялась Наталья Леонидовна, покрылась красными пятнами и стала суетливо класть покупки в пакет.

Вдруг её простоватая подруга, стоявшая впереди и уже расплатившаяся с кассиршей, растерянно проговорила:

– Ой, а где мой батон? – Она порылась в своей сумке. –

Девушка я заплатила за батон. Вот чек.

– Да-да, он вот здесь лежал, – кивнула кассирша на место перед Натальей Леонидовной в оранжевой безрукавке.

Многие в очереди посмотрели на интеллигентную дворничиху, которая почувствовала на себе взгляды и удивлённо вскинула брови. Лидия Григорьевна крючком указательного пальца бесцеремонно оттянула одну сторону пакета своей подруги и заглянула в него.

– Вот он, мой батон! – обрадовалась она и злорадно посмотрела Наталье Леонидовне в глаза. – А говорите, что не кушаете белый хлеб!

Наталью Леонидовну передёрнуло.

– Уж не хотите ли вы сказать, что я специально...

– А почему бы и нет? – победоносно улыбалась Лидия Григорьевна. – От нищеты-то и на воровство пойдёшь!

– Вы, вы... Как вы смеете? Темнота!

– Хлеб мой ukrала да ещё обзывается! – с радостью взорвалась Лидия Григорьевна, наконец-то дождавшись для этого повода. – Секритуткой всю жизнь в райкоме партии проработала, а туда же, благородных кровей! Воровка ты! Воровка и безбожница! В чёрта она, смотрите-ка, не верит! Сама чёрт!

Лидия Григорьевна пошла к выходу, с наслаждением побраниваясь. Подруга её разводила руками, пожимала плечами, улыбалась и смотрела на покупателей, как бы ища у них сочувствия. В таком молчаливом возмущении она вы-

шла на улицу и направилась к дому. Поравнявшись с пустырем, бывшая секретарша райкома остановилась, окинула его оценивающим взором и печально закачала головой, как бы сожалея о том, что в век научно-технической революции столько ещё много суеверия. Вдруг откуда-то из-под земли глухо донеслась матросская песня «Раскинулось море широко». Наталья Леонидовна застыла. Поющий голос постоянно срывался, как на заезженной пластинке, и начинал песню сначала. Старушка попятилась от пустыря, замотала головой и с неожиданной для неё быстротой, чуть ли не спортивной ходьбой, покинула аномальное место.

– Не верю! – убеждала она себя при этом вслух. – Не верю!

Архивариус готовил еду на общей кухне коммуналки. Полностью погружённый в себя, он налил в большую сковородку воды из-под крана, насыпал в неё риса и поставил на плиту.

На кухню вышел коллега с квадратным подбородком, неся стопку грязной посуды, которую он поставил в мойку. Сосед обрушил свою грудку мышц на табурет, закурил беломорину и, пустив густой столб табачного дыма вверх, начал пристально наблюдать за действиями Архивариуса.

Архивариус накрошил в свою пищу чеснока, посолил и начал искать что-то в кармане. Наконец, он извлёк кубик в серебристой бумажке и попытался его развернуть, ковыряя ногтем. Сорвав закоревшую обёртку наполовину, он так и

бросил кубик с её остатком на сковороду.

– Ну, блин! – хохотнул курильщик, затягиваясь на полном вдохе. – У нас в деревне так свиней не кормят!

Он по-хозяйски встал, подошёл к мойке и начал демонстративно мыть тарелки.

– Поел и сразу же! – сказал он Архивариусу менторским тоном.

– А если некогда сразу же? – возразил Архивариус, пробуя свою амброзию из ложки.

– Тебе-то некогда? Дрыхнет весь день! Засрал всю квартиру! Тарелку после себя не может помыть! Поел и сразу же! Сра-зу же! Сразу же!! – горячо наставлял он соседа, меняя для убедительности ударение на повторяющемся слове.

Поставив тарелки на полку, воспитатель достал недоделанную табуретку и, опять же демонстративно, начал обтачивать шкуркой детали, просматривать на глаз кривизну, разность и одинаковость оных.

– Хороша будет тубареточка! – похвалил он свой труд.

– Кретин, – вырвалось у Архивариуса.

– Чего? – не поверил столяр своим ушам.

– Идеи тебе не достаёт, – поправился Архивариус.

Сосед погрузился в думу и снова закурил.

– Врёшь, – пришёл он к выводу. – У меня идея есть. Это вот у тебя ни хрена! Я вот всё время что-то делаю, а ты никчёмный! Ты живёшь за счёт таких как я, и давно бы подох без нас! Мы соль земли! Труженики!

– Кому нужны твои табуретки? – Архивариус ещё подбавил соли и попробовал. – Нет, ты не соль. Твоя энергия направлена по ложному пути.

Архивариус ушёл к себе в комнату. Столяр с горящими мезью глазами достал из шкафчика баллончик дихлофоса, направил струю мора в сковородку Архивариуса и с наслаждением выпустил полбаллончика.

– Соль тебе не нравится?

На кухне появилась молодая красивая женщина, сморщила носик от паров, идущих от сковородки, и бросила суровый взгляд на столяра.

– Ну, чё опять на кухне болтаешься?

Труженик встал сразу же чуть ли не по стойке «смирно», не зная, что сказать.

– Тубаретку вот делаю... – промямлил он, пряча дихлофос за спину.

– Весь дом в табуретках уже. – Она закурила сигарету.

– Продать можно...

– Лучше бы бутылки собирал, – вздохнула женщина. – Больше доходу. Седой уже весь, а ума так и не набрался!

Вернулся Архивариус и поставил на плиту чайник.

– Говорят, что вы клад где-то нашли? – лукаво спросила соседка у Архивариуса.

– Ну.

– Что ж вы не приоденетесь? – продолжала она.

– Сначала откопать надо. А мне одному не под силу.

Женщина сверкнула глазами.

– Брехня всё это, – занервничал столяр. – Сам слух и пустил, чтобы весу себе придать! И про колдуна тоже сам разбрехал!

Женщина начала делать мужу знаки, чтобы тот замолчал.

– Про какого колдуна? – заинтересовался Архивариус.

– Ну, что будто бы колдун ты, – почему-то обижено пояснил столяр и потупил взгляд.

– Да ведь ты сам всем и разбрехал! – прикрикнула на него жена. – Лучше бы помог соседу клад выкопать! Возьмите его в помощники, – обворожительно улыбнулась она, повернувшись к Архивариусу. – Он у меня один экскаватор может заменить. Тогда целый котлован за ящик водки вырыл!

– Надо всё обмозговать, – сказал Архивариус, зачерпнул целую ложку своего кушанья из шипящей сковородки и поднёс ко рту.

Столяр, затаив дыхание, исподлобья наблюдал за своим соседом.

– М-м-м... – промычал Архивариус с набитым ртом и, проглотив отраву, удивлённо произнёс, – какой потрясающий букет получился!

– Точно колдун! – прошептал поражённый труженик.

На следующую ночь Архивариус и столяр со штыковой и совковой лопатами на плечах подошли к пустырю. На лице у «тубаретчика» выразилось беспокойство. Архивариус поднялся на пустырь и поводил над ним руками.

– Здесь.

– Блин! – заругался напарник. – Если б я знал!

Он сел на бордюрный камень тротуара и закурил.

– Толик, иди сюда! – позвал его руководитель раскопок. –

Ещё не работал, а перекур устроил!

– Я здесь не буду копать! – запротестовал Толик.

– Почему?

Сосед сопел носом и молчал. Архивариус спустился к нему.

– Что случилось?

– Тс-с-с, – закрыл ему рот Толик. – Здесь нечистая сила, говорят!

– А я кто? – спросил шеф.

– Кто? – переспросил столяр дрогнувшим голосом.

– Колдун. Сам говорил.

– Не смотри ты на меня так! – отпрянул от него Толик. –

Ехидно смотришь! И глаза у тебя ехидные!

– Ладно, смотреть не буду, – успокаивал его Архивариус. –

Только подумай: если я колдун, то нечистая сила меня не возьмёт. Так?

– Так.

– Значит, тебе со мной бояться нечего. Так?

– Так.

– Ну, раз так, вставай и за работу.

Толик встал, взял лопату и неуверенно поднялся на пустырь. Они разгребли вновь наваленный кем-то мусор, осво-

бодив площадку для раскопок, и Толик начал копать землю. Архивариус стоял на четвереньках и светил в углубляющуюся ямку электрическим фонариком. За работой Толик немного забылся и осмелел.

– Моя мечта, – заговорил он вполголоса, – вообще ничего не делать.

– Но при этом хорошо питаться, – добавил Архивариус.

– Вот-вот! – подтвердил землекоп и радостно засмеялся. – Неужели всё это в последний раз?

– Что?

– Да вот лопаты эти неладные!

– Ты копай, копай! Найти ещё надо.

Толик со словом «Эх» всадил лопату в землю и выбил фонарик из рук начальника археологической экспедиции. Фонарик погас.

– Бестолочь, – заругался Архивариус, – ты мне чуть руку не оттяпал! Понемножку нужно!

– Я побыстрее вырыть хотел! – оправдывался работяга.

– Исторический слой спешки не любит! – заметил учитель, ремонтируя фонарик.

Наконец свет появился снова. Архивариус направил лучик в углубление, и там что-то блеснуло.

– Не копать! – рявкнул руководитель и начал скрести в яме пальцами.

Он извлёк какую-то металлическую вещицу, поплевал на неё и, протерев носовым платком, приблизил к глазам. Лицо

Архивариуса выразило величайшую радость.

– Это же замочек от древнего фолианта! – воскликнул он. – А какая энергетика прёт!

Глаза Толика блеснули.

– Золотой?

Архивариус попробовал находку на зуб.

– Скорее всего, медный.

Лицо Толика скисло.

– Выгоднее медный кабель выкапывать. Там хоть весу больше.

– Всё ценное там, внутри! – Архивариус затряс от радости напарника за плечи. – Мы на верном пути!

Вдруг Толик встрепенулся.

– Постой! Дай-ка сюда! – протянул он руку к исторической находке. – Где-то я такую штуковину уже видел!

Он внимательно посмотрел на замочек, взял у руководителя фонарик и пошёл к куче мусора.

– Ё моё! Да здесь до фига таких! – осветил он фонариком поломанный комод с множеством точно таких же замков. – А в этом месте одного не хватает! Вот он в ямку-то и залетел!

Архивариус сравнил металлические изделия комода с замочком от «древнего фолианта» и сердито сказал:

– Чтобы проникнуть в суть, надо презирать модальность зримого, балбес! За работу!

Блюм в тяжёлой римской тоге возлежал на тахте в квар-

тире Пустырёвой. Любовь Семёновна в лёгкой тунике сервировала перед ним столик. Блюм взял в руки бокал с вином и встал в торжественную позу.

– Священный сенат одобрил наш почин, – начал он свою речь. –

Великий монумент будет возвышаться в третьем Риме! И этим документом я обязан тебе, о, несравненная матрона!

– Не хочу быть матроной, – скривила улыбку Любовь Семёновна. – Кстати!

Она быстро сбегала в кладовку и вернулась с ботинком авангардиста, которым он запустил в Пустырёву из троллейбуса.

– Хранила все семь лет!

– Что это? – брезгливо взял Блюм за шнурок ботинок. – И я когда-то носил говнодавы фабрики «Скороход»? Немедленно выкинь эту гадость!

Блюм нажал на кнопку пульта, и приделанный к люстре вентилятор начал выдувать из коробочки лепестки роз, которые мягко ложились повсюду, распространяя благоуханье. Пустырёва вдохнула аромат всей грудью и застонала от блаженства. Усатый римлянин осушил бокал до дна и снова лёг на ложе.

– А теперь я хотел бы перейти к самому главному.

Любовь Семёновна смущённо улыбнулась и опустила глаза.

– Готова ли ты, мудрейшая Минерва, выслушать мои сло-

ва до конца?

– Да, – вся в ожидании пролепетала хозяйка.

– Итак, мы переходим ко второму этапу великого почина. Сегодня я счастливейший из людей: я нищ! Я открыл счёт в банке для перечислений всевозможных пожертвований на памятник и внёс все свои сбережения первым! Ради великой идеи я готов отдать последние сандалии!

Рука Пустырёвой сжала горсть лепестков роз. Она встала и медленно подошла к окну. Губы её дрогнули.

– На следующем этапе нам нужно привлечь как можно больше спонсоров, о, милосерднейшая Юнона!

– Я думала, ты поумнел, – сказала начальница грудным голосом, не оборачиваясь. – А ты такой же олух, как и был! Думаешь, твоё сооружение тебя прокормит?

– О, я готов голодать всю жизнь, лишь бы осуществился мой проект!

– А он тебе нужен? – вдруг резко повернулась Любовь Семёновна, в глазах которой стояли слёзы. – Вот это зачем тебе нужно? – Она подбросила смятые и пожухлые лепестки вверх. – У тебя был приличный капитал! На него можно было бы учредить банк! А ты всё пустил на ветер!

– О, я могу продать свою колесницу, и нам на первое время хватит, жестокая Диана! Но искусство для меня священо!

– Искусство? – Пустырёва зло сверкнула глазами.

Она быстро подошла к столику, налила себе полный ста-

кан вина и выпила.

– Искусство! – повторила Любовь Семёновна с ненавистью. – Ты знаешь историю моих родителей! Бедные провинциальные актёры, которые мотались всю жизнь по стране из театра в театр! Для них тоже искусство было священным! Они даже собственной крыши над головой не нажили! Искусство! Я, как детдомовская всё на голом месте своими собственными руками! Я не хочу, чтобы мой ребёнок тоже вот так же! Искусство!

– Замолчи, о, нечестивая Эринния, некогда совершившая детоубийство в своём чреве!

Пустырёва рухнула головой на стол и зарыдала.

– Я столько для тебя сделала, – захлёбывалась она слезами, – скотина...

– Да ты на себя посмотри! – вдруг вспыхнул Блюм, прекратив ломать комедию. – Тебе только деньги, деньги и деньги! Куда ты старика дела? А? Квартирку захотела к рукам прибрать? Может быть, ты его отравила? Участковый, между прочим, интересовался! И правильно, ибо ты на всё способна! На всё!

Он немного успокоился и продолжал.

– Значит так, не хочешь больше мне помогать?

Любовь Семёновна, подняв голову, смотрела на авангардиста удивлённо-испуганными глазами.

– Не хочешь? – Он выдержал паузу, но ответа не последовало. – Не надо! Кстати, завтра прилетает Джон! Ох, раз-

вернёмся! – потёр он ладонями. – Тунику можешь оставить себе на память. Дверью хлопать не буду. Гуд бай, банкирша!

Блюм удалился. Пустырёва с ненавистью посмотрела на блюмовский ботинок, который одиноко стоял у тахты, потом перевела взгляд на его картину. Обе вещи одна за другой вылетели в окно. Ботинок в этот раз угодил по своему назначению прямо в урну. Картина же плавно полетела по воздуху, описала дугу и влетела в открытое окно комнаты Натальи Леонидовны, которая жила на первом этаже. Старушка посмотрела на абстрактную «абракадабру» оценивающим взглядом и примерила её на стене вверх ногами, прикрыв картиной место с оторванными обоями.

Через неделю Архивариус с помощью своего магического метода вычислил, что Пустырёва снова томится в одиночестве. Он сразу же позвонил ей и пригласил на выходные в Серебряный бор купаться. Начальница нехотя согласилась, чтобы как-то развеяться. Она переменялась: стала замкнута, холодна и надменна. Душевное состояние внешне выразилось в стиле «вапм». В тёмном обтягивающем костюме, гладко причёсанная, с резким макияжем на лице Пустырёва сидела в кресле водного велосипеда, педали которого с удовольствием покручивал Архивариус.

– Любовь Семёновна, ну, когда вы развеселитесь? Может, ещё анекдотец?

– Хватит. Жизнь анекдотична.

– Чем же она анекдотична?

– Так. Пустота какая-то, – тяжело вздохнула Любовь Семёновна.

– Не скажи! – растянул Архивариус. – Прекрасная погода, чудесный ландшафт, вон лодочка моторная разрезает водную гладь, птички поют. Всё дышит полнотой бытия!

Бледная маска лица Пустырёвой повернулась к собеседнику.

– А люди?

– И люди тоже!

Пустырёва сняла тёмные очки и пронзила Архивариуса взглядом.

– Может быть, и вы?

– И я!

Вдруг на Любовь Семёновну напал приступ смеха. Когда она отсмеялась, то снова стала серьёзной и надела очки.

– Вы думаете, что ваша химера с библиотекой имеет какое-то основание?

– Вы знаете? – удивился Архивариус. – Да. Имеет.

– Ничего подобного! – усмехнулась Пустырёва. – Ничего там нет! Пустота! Что Блюм, что ты – два сапога пара! Только один сапог смотрит вперёд, другой – назад! А ноги в это время увязают в болоте! Птички, лодочка! А ты вот попробуй, догони ту лодочку на этой колымаге!

Пустырёва вытащила губами сигарету из пачки и тщетно пыталась её прикурить на ветру. Архивариус галантно взял у женщины зажигалку и, прикрыв её большими ладонями,

извлёк пламя.

– Ту лодочку, говорите?

Он уставился широко открытыми глазами на Солнце и растопырил руки, будто пытался вобрать в себя наибольшее количество солнечных лучей. Потом Архивариус налёг ногами на педали и начал крутить их с невероятной быстротой. Водный велосипед резко дёрнулся вперёд и, набирая скорость, стремительно побежал по реке, оставляя после себя огромные валы волн и белую пену как взбитые сливки. Судно Архивариуса мчалось мимо пляжа, привлекая внимание весьма удивлённых отдыхающих.

– А не плохая мысль, – заметил загорающий Блюм своему товарищу, – ставить на водный велосипед движок от катера, – и навёл на новинку подзорную трубу.

– Ол райт! – согласился приятель, кивая головой и показывая все свои тридцать два сверкающих зуба.

– Ба! Да он без двигателя! – поразился Блюм, держа в круге оптического прибора Архивариуса с Пустырёвой. – Джон, это ведь наш конкурент!

Улыбка слетела с лица Джона, а в глазах мелькнул испуг. Он взял у Блюма подзорную трубу и, приставив к глазу, начал изучать врага.

Водный велосипед поравнялся с моторной лодкой и пошёл на таран. Лицо хозяина лодки выразило одновременно удивление и ужас.

– Вот и догнал лодочку! – загоготал водный велосипедист

басом.

В это мгновение велосипед стукнулся об борт лодки, его круто занесло, и он перевернулся. Над пляжем пронёсся короткий крик Пустырёвой и оборвался.

Солнце уже клонилось к закату, досушивая экстравагантный костюм начальницы ЖЭКа, повешенный на куст. Людмила Семёновна в бикини и Архивариус в семейных трусах, похожих на парашюты, подкреплялись бутербродами. Макияж на её лице смыло, причёска от воды стала пышной и стили «вамп» словно и не бывало.

– Вы опасный человек, – улыбалась она, пережёвывая бутерброд. – Скажите, а почему вы набрали на помойке всякой рухляди и загромождали общий коридор? Мне поступила жалоба от ваших соседей.

Архивариус задумался, посмотрел на туфли Пустырёвой, которые сушились рядом около небольшого костерка, и взял одну туфлю в руки.

– Ширпотребчик, – сказал он и понюхал вещь, – ещё не пропитанный энергетикой хозяйки. Новые вещи более достойны помойки, на мой взгляд. Старые же вещи, особенно, если они красивы внешне, заключают в себе отрезок исторического времени и часть личности хозяина. Они живые! Понимаете, Людмила Семёновна? Конечно, по-своему живые. А живое хоронить грех!

Людмила Семёновна взяла другую туфлю и повертела в руках.

– Что же, вы предлагаете ходить в лаптях?

– Нет, я предлагаю бережно относиться к тому, что сделано руками человека, на что была когда-то затрачена энергия. Столько энергии, Людмила Семёновна, ушло в песок! Да будь она направлена по разумному пути, давно не было бы голодающих, нищих и обездоленных!

– Боже, сколько красивых слов в защиту старья! – засмеялась Пустырёва. – Кстати, в вашем роду не было старьёвщиков?

Любитель старины обиженно надулся.

– Не унывай, приятель! Я просто советую производить более тщательный отбор, а не тащить весь утиль в своё жилище. Запах противный!

– Это поначалу вонько, а потом привыкаешь, – ещё больше сник Архивариус.

Пустырёва украдкой сняла золотую серьгу из одного уха и сунула в носок туфли.

– Ой! – вскрикнула она. – Серёжка пропала! Наверное, в воде соскользнула! Ну, кладоискатель, воспользуйтесь своей чудесной энергетикой!

Архивариус подошёл к Пустырёвой и пощупал оставшуюся в ухе серьгу.

– Они мне так дороги. Это подарок мамы, – продолжала Любовь Семёновна спектакль не без таланта.

Архивариус выбросил руку в сторону реки, затем закрыл глаза и начал поворачиваться вокруг собственной оси. Вто-

рой оборот он сделал значительно быстрее и, наконец, завертелся волчком.

– Где-то здесь, – сказал он, резко остановившись, и бросился к туфле. – Вот она! – радостно воскликнул он, найдя украшение.

Пустырёва, удовлетворённая результатом проверки, хлопала его по плечу.

– Интересный ты мужик, – засмеялась она, внимательно глядя ему в глаза, – перспективный. Но смотри, обставит тебя Блюм во всех отношениях. Тебе надо поактивней бороться за свою мечту. И одну, и другую, – сделала она акцент на последнем слове. – Правда?

– Угу.

– Пусть пока будет у тебя в качестве залога, – указала она на серёжку, взяла вещи и пошла по тропинке, соблазнительно повиливая бёдрами.

Архивариус смотрел ей вслед и радостно сжимал драгоценный подарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.